

Фатеева И. А.

О ПЕРВОЙ ПОПЫТКЕ КОММЕМОРАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ЖУРНАЛИСТИКИ КАК ЦЕНТРА ГАЗЕТОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье описываются, анализируются и интерпретируются документы, имеющие отношение к самой ранней попытке профессиональной и академической коммеморации научно-исследовательских практик газетоведов Государственного института журналистики (ГИЖ). Это в первую очередь хранящаяся в РГАЛИ переписка (1964–1967) двух активных участников жизни первого отечественного учебного заведения для журналистов 1920-х годов: томского журналиста В. А. Кузьмичева (1903–1994), выпускника аспирантуры ГИЖа, и его бывшего научного руководителя М. С. Гуса (1900–1984). На основе комментирования вводимых в научный оборот личных писем корреспондентов автором показывается, насколько опасной была тема становления и существования первой научной школы в области журналистики даже спустя три с половиной десятилетия с момента ее гибели.

Ключевые слова: Государственный институт журналистики, ГИЖ, газетоведение, наука о журналистике, профессиональное медиаобразование, коммеморация, В. А. Кузьмичев, М. С. Гус.

Для цитирования: Фатеева И. А. О первой попытке коммеморации научно-исследовательских достижений государственного института журналистики как центра газетоведения // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 20-32. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).20-32

Журналистское образование – один из ключевых видов профессионального медиаобразования, а также важнейший социально-педагогический институт, остро реагирующий на все изменения общественной жизни в национальном масштабе. В России в курсовой форме первые попытки его организации относятся к самому началу XX века (еще к периоду Российской империи), а в системе формального образования оно институализировалось уже в советское время. Первым учреждением такого рода стал Институт журналистики в Москве, начавший свою работу 15 октября 1921 г. Подвергаясь многочисленным реорганизациям и меняя названия (в историографии его чаще всего именуют ГИЖем – Государственным институтом журналистики), просуществовал он 17 лет (до 1938 г.). Но наиболее продуктивными, особенно в научном плане, были первые десять, тогда как в 1931 г. в обстановке резкого ухудшения общественно-политической атмосферы в стране и масштабной «чистки вузов» все заметные представители ГИЖевской науки (так называемого газетоведения) были из института уволены, а сама школа разгромлена как не соответствовавшая догматам марксизма-ленинизма (в сталинской трактовке).

В послевоенное время местом дислокации советского образования для работников СМИ стали классические университеты (МГУ им. М. В. Ломоносова, Ленинградский госуниверситет, Уральский госуниверситет и др.). Вместо того чтобы выборочно аккумулировать и творчески развить накопленный на предшествующем этапе опыт, они предпочли его почти полностью отринуть и приступили к внедрению в образовательную систему журналистской составляющей фактически с нуля (на филологических факультетах). И только в конце XX века, уже в постсоветский период,

обозначился интерес к научно-педагогическим практикам газетоведческого периода, а в XXI столетии началась их неспешная коммеморация (если понимать под этим термином комплекс действий по включению сведений о них в коллективную память социальной группы, в данном случае профессиональной [Ландина, 2023]).

К счастью, связанные с коммеморацией архивные поиски привели нас к обнаружению документов, свидетельствующих о том, что еще в 1960-е годы, на волне частичной десталинизации общественной жизни и либерализации медийных институтов, была предпринята попытка придать гласности ранее замалчивавшиеся факты, имевшие отношение к существованию в ГИЖе в 1920-е годы передовой для своего времени медийной науки и базировавшейся на ней медиаобразовательной практики. Описанию, анализу и комплексной интерпретации этих ценных артефактов и посвящена данная работа.

Основным материалом исследования послужила хранящаяся в Российском государственном архиве литературы и искусства и относящаяся к 1964–1967 годам переписка двух активных участников ГИЖевской жизни наиболее продуктивных лет истории вуза (РГАЛИ). Авторами писем являлись проживавший в Томске персональный пенсионер союзного значения Владимир Александрович Кузьмичев (7 писем) и один из видных функционеров Союза писателей СССР Михаил Семенович Гус (5 писем). Для воссоздания историко-культурного и бытового контекста нами привлекались другие архивные документы РГАЛИ, Государственного архива РФ (ГАРФ), Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО), а также публикации открытой печати. Цели, задачи и эмпирический материал работы предопределили ее исследовательские методы: эмпирические (архивный метод, медиамониторинг) и теоретические (историко-генетический, биографический, сравнительный, герменевтический методы и пр.).

Ради осмысления перипетий описываемой ситуации было бы логично дать представление о сущности и конкретных положениях газетоведческой концепции, однако формат и объемы журнальной статьи не позволяют это сделать. Скажем только, что это была хронологически первая отечественная попытка научного обращения к журналистике как специфичному объекту исследований, осуществляемая с опорой на зарубежную науку и признанная ею [Фатеева, 2019]. Следует также отметить, что отечественная медиатеория XXI века проявляет устойчивый интерес к научным и педагогическим практикам газетоведов, особенно тем, кто трудился в ГИЖе [Кондратенко, 2010; Научно-педагогические школы..., 2021; Корконосенко, Хубецова, 2023; Фатеева, 2020; Корконосенко, Бережная, Хубецова, 2021; Евдокимова, 2020; Исхаков, 2021; Корконосенко, 2021].

Нельзя сказать, что функционирование ГИЖа совсем не упоминалось в источниках, относившихся к XX веку. Конечно, авторы работ по истории журналистского образования [Каравашкова, 1967; Привалов, 1982; Таловов, 1990] так или иначе в обзоре его касались, поскольку он был самым первым в своем роде. Однако типичная для исторических нарративов линейность оценок и присущий именно данной отрасли знания дух корпоративизма, при котором каждая конкретная вузовская школа в лице своих представителей склонна исследовать прежде всего свою историю вместо общенациональной (а у ГИЖа не осталось правопреемников!), не

позволяли пишущим оценить по достоинству деятельность сотрудников ГИЖа, особенно научную.

В советское время, кроме того, продолжали давать о себе знать последствия политических кампаний 1931 года (тогда под увольнение попало 80% профессорско-преподавательского состава института) и эпохи Большого террора (многие газетоведы ГИЖа пали его жертвами). Прямое следствие репрессивной политики в отношении газетоведов, включая тех, что работали в ГИЖе, – это почти полное отсутствие документов погибших членов школы и заговор молчания о них именно как о газетоведах в мемуарных свидетельствах, если таковые имеются. Реабилитированные как личности в годы хрущевской оттепели (преимущественно по инициативе родственников), как ученые и педагоги они оказались вычеркнуты из истории науки о журналистике (точнее – не вписаны в нее вообще). Тем ценнее оказываются редкие архивные находки, позволяющие восстановить те или иные детали прошлого века в интересующем нас аспекте, в том числе касающиеся причин и обстоятельств забвения теоретической и педагогической деятельности ГИЖевцев.

Обратимся теперь непосредственно к содержанию обнаруженной переписки и к деталям знакомства В. А. Кузьмичева (1903–1994) и М. С. Гуса (1900–1984). На основе документов архива ГИЖ удалось установить, что М. С. Гус был в институте научным руководителем аспиранта Кузьмичева (*Прим. 1*).

Выходец из рабочей семьи Владимир Кузьмичев проявлял исключительную тягу к знаниям еще в бытность студентом ГИЖа. Преподаватели отмечали его серьезность и активность в учебном процессе, особенно высокую оценку давал преподаватель курса экономической политики, предложив оставить молодого человека в институте в качестве научного сотрудника (*Прим. 2*). А в 1927 году ГИЖу было дано право открыть аспирантуру по профильной дисциплине (журналистике), и вуз получил из Наркомпроса четыре места в ней. На одно из этих мест и был принят Кузьмичев. Определяясь с темой будущей диссертации, он «категорически заявил» правлению ГИЖа, что желает «работать не по линии публицистики, а в области организации», аргументируя это тем, что именно в ней у него «есть кое-какие результаты, собственные взгляды и конкретные предложения» (*Прим. 3*). Опираясь в своих исследованиях он собирался прежде всего на труды зарубежных специалистов в области менеджмента. Молодому человеку пошли навстречу, обозначив в качестве основного объекта исследования и проектирования управление массово-информационными процессами, включая агитационно-пропагандистские кампании; руководителем же ему назначили М. С. Гуса, который, помимо работы преподавателем, занимался как раз организационно-управленческой деятельностью, поскольку был членом президиума Центрального бюро Секции работников печати (ЦБ СРП) в ВЦСПС и заведующим Научным кабинетом при ЦБ СРП.

Михаил Семенович был всего на три года старше своего аспиранта, но, родившись в семье врача, окончил до революции гимназию в Николаеве и успел поучиться на юрфаке Киевского университета. Высшего образования так и не получил, т. к., по собственному выражению, «предпочел революционную практику – академической учебе» (*Прим. 4*). Выдвинулся как политработник Красной Армии, редактор газет разного типа, руководитель губотдела Украинского филиала РОСТА,

агитпроповский и профсоюзный работник. В Москву был окончательно переведен как раз в 1927 году (*Прим. 5*). В ГИЖе вел разные дисциплины: историю периодической печати, информацию, публицистику и др. В конце 1920-х годов возглавил в институте кафедру печати (профильную по специальности, ее часто называли кафедрой газетоведения; остальные кафедры обеспечивали преподавание общеобразовательных дисциплин).

Неизвестно, насколько велик вклад Гуса в научно-учебные успехи его аспиранта, но по факту достигнутые Кузьмичевым к окончанию обучения (1930) результаты были действительно впечатляющие: он выпустил в свет две книги («Организация общественного мнения. Печатная агитация» в 1929 г. и «Печатная агитация и пропаганда» в 1930 г.); на основе сверхпланового посещения группы психотехники в институте философии Коммунистической Академии освоил технологии социопсихологических исследований и использовал их, принимая участие как в сторонних проектах (например, организованных аспирантами института психологии Московского университета), так и в собственных, к которым приобщал студентов ГИЖа (например, в рамках изучения феномена слухов) [Архивный путеводитель..., б. д.]. Руководство института, видя перспективность молодого ученого, направило в Сектор науки Наркомпроса ходатайство о предоставлении ему заграничной научной стажировки. Реакция была положительная (об этом свидетельствует письмо (*Прим. 6*) от 15 июня 1931 г. из Комиссии по научным заграничным командировкам при наркомате просвещения РСФСР), но запоздалая: за период между ходатайством и ответом на него случился тот самый разгон ставших неугодными газетоведов, после которого ни М.С. Гус, ни его бывший аспирант оставаться в штате института уже не могли.

Далее жизненные пути В. А. Кузьмичева и М. С. Гуса разошлись. Первого отправили в провинцию работать журналистом, чем он и занимался долгие годы, посылаемый «партией и правительством» по разным городам и занимая разные должности. Пережил арест и годичное заключение, обвиненный в середине тридцатых в «шпионаже в пользу Финляндии». Во второй половине 1940-х годов получил, наконец, назначение в Томск, где и работал до пенсии (вышел на нее в 1963 г. с поста редактора Томской областной газеты «Красное знамя»).

Биография М. С. Гуса внешне сложилась более блестяще, хотя 1931 год ударил и по нему (в силу должности он воспринимался организаторами разгромной кампании в качестве одного из лидеров газетоведения). Но выручили литература и театр: «работал в московских театрах заведующим литературной частью, активно занимался театральной критикой и публицистикой» (*Прим. 7*), написал несколько пьес, некоторые из них (в основном патриотического содержания) с охотой ставились по всей стране. «С первого месяца войны был направлен во Всесоюзный Радиокомитет, где принял участие в организации контрпропаганды по радио..., обращенной к населению Германии... В ноябре 1945 года был командирован в Нюрнберг... Там организовал бюро Советского Радио и в течение 8 месяцев освещал ход процесса для внутрисоветского и нашего зарубежного вещания» (*Прим. 8*). Данная страница биографии, а также дальнейшая литературно-публицистическая деятельность по разоблачению «происков мирового империализма» обеспечили ему высокий

социальный статус, тиражи, заграникомандировки, награды, значимые позиции и должности в Союзе писателей и в руководстве Московской писательской организации (секретарь парткома). К Александру Фадееву он обращался на «ты» (Прим. 9); знакомства имел самые завидные; личные письма получал от литературных «звезд» мировой величины, включая Дж. Стейнбека (Прим. 10).

Летом 1964 года в его корреспонденции оказалось письмо из далекого Томска, начинавшееся словами «Михаил Семенович! Вы меня, наверное, забыли уже. Когда-то сотрудничали в ГИЖе» (Прим. 11). Это было письмо от пенсионера В.А. Кузьмичева.

С чем же обратился тот к своему бывшему научному руководителю, а ныне такой важной персоне в писательских кругах? Наверное, просит покровительства в издательствах? Похоже на то: «Написал большую (по размеру) книгу... о виденном, пережитом, сделанном и недоделанном».

Но совсем не помощи в ее публикации просил автор письма: «Есть глава о ГИЖе. Главная ее мысль – нельзя забывать о нем, его основателях, энтузиастах, его опыте... это было первое, и оно должно войти в историю советской печати... Вы, наверное, сейчас единственный, кто знает то время и может определить правильность оценок его.

Если будет время и охота, черкните мне – как Вы на это смотрите, нужно ли» (Прим. 12).

Далее следовало несколько частных вопросов по уточнению фактологических деталей из прошлого.

На письмо М.С. Гус через несколько недель ответил; по поводу конкретных деталей проконсультировал; выразил готовность прочесть «ту часть... рукописи, которая касается ГИЖа – КИЖа» (Прим. 13); даже поинтересовался, в какое издательство сдана рукопись (Прим. 14). Но вот главный вопрос В.А. Кузьмичева («нужно ли?») проигнорировал. С достаточной определенностью он ответит на него через три года – и это будет, к огромному сожалению для В. А. Кузьмичева, отрицательный ответ.

А пока завязалась переписка; случались даже личные встречи, достаточно теплые, судя по всему. Оказывали друг другу услуги. Например, В. А. Кузьмичев помог старшему товарищу с организацией поездки в город детства – Николаев. Но снова и снова возвращается бывший аспирант к своей рукописи (которая в конце концов была отвергнута издательством «Советская Россия», несмотря на доработки, которые автор осуществлял в соответствии с замечаниями и пожеланиями его рецензентов) – и, главное, к ГИЖу. Пытается пробудить заинтересованность в нем неоднократными свидетельствами о том, что в научном сообществе, особенно социологическом, якобы наметился сдвиг в отношении к газетоведению: «вспоминали весьма положительно наши старые исследовательские работы, книги... Видимо, и в области теории журналистики кончился период предвзятости, запальчивости в оценке старых "первозачинательских" работ» (Прим. 15). Причем многообещающие изменения видит он и в среде сибиряков, представителей Сибирского отделения Академии наук (Прим. 16), и со стороны москвичей. Имен и подробностей, правда, в письмах не называл. Но М. С. Гус остается вежливо глух к настойчивым попыткам вовлечь себя в какую-либо деятельность по публичному переосмыслению прошлого.

Здесь уместно подробнее сказать, какова же в деталях позиция В. А. Кузьмичева по поднятому им вопросу, что он хотел публично донести до современников. В одном из писем он для наглядности изложил свое мнение о ГИЖе тезисами, в предельно упрощенном виде. Прочитируем их, несколько сократив и грамматически отредактировав.

«1. Институт – первое высшее учебное заведение в стране для подготовки журналистов. Его большая роль. Ошибка – забывать это.

2. В Институте были сделаны (тоже впервые) значительные шаги в научной работе по журналистике. Центры научных исследований тогда: кабинет печати (*Прим. 17*) КИЖа: Ю. Бочаров (*Прим. 18*), М. Гус, А. Григоренко (*Прим. 19*), М. Щелкунов (*Прим. 20*); научный кабинет печати ЦБ Секции работников печати (*Прим. 21*): М. Гус, других не помню. Работы товарищей из отдела печати ЦК (*Прим. 22*).

3. Видимо, в постановке научных исследований далеко не всё было совершенно. Но это было несовершенство первых крупных шагов, когда искали пути и решения.

4. Вред предвзятой критики этих первых шагов, "сверхбдительной" критики, да еще иногда с политическим заподозриванием. Она – одна из причин свертывания исследований по журналистике.

В общем – Институт как значительный шаг в истории советской журналистики.

Мне кажется, это истинно. Истину следует восстановить» (*Прим. 23*).

Снова и снова будирует томский пенсионер не поддающееся на уговоры сознание М.С. Гуса, уже практически открытым текстом призывая визави выступить в печати от своего имени: «может быть, следует кому-то из гижевских "первоначинателей" научной работы в области журналистики подробно рассказать об этом. О людях, начинаниях, первых (очень трудных) шагах, опыте, затруднениях, несовершенствах» (*Прим. 24*). Но ведь нет уже в живых никого из «первоначинателей», кроме М. С. Гуса! Либо расстреляны, либо умерли от старости, ведь прошло уже три с половиной десятилетия с момента искусственного прерывания газетоведческой деятельности в ГИЖе!

Но и к этому призыву «вспомнить товарищей, которые "начинали"», останется равнодушным М. С. Гус; и аргумент «это же было партийное дело, было ведь даже решение ЦК о развертывании научной деятельности в институте (*Прим. 25*)» не поколеблет секретаря парткома столичной писательской организации! Слишком хорошо он знает изнутри действующий в стране идеологический, медийный и репрессивно-регулятивный механизм. Знаком с его удушающей атмосферой, разумеется, и Кузьмичев; он, например, бегло касается в одном из писем своего прошлого опыта взаимодействия с одной из редакций московских журналов: при попытке с его стороны «кратко высказать» свои мысли о ГИЖе их «вычеркнули» (*Прим. 26*).

Поняв, что скорее всего опубликовать свою мемуарную книгу у него не получится, а М.С. Гус о ГИЖе публично высказываться не будет, В. А. Кузьмичев в письме от 19 сентября 1967 г. озвучивает идею о том, чтобы «мобилизовать» материал об институте для «нового "Журналиста"». Речь идет о профессиональном журнале, органе Союза журналистов. «Новым» он назван потому, что несколько месяцев назад был реорганизован из бывшей «Советской печати» и получил свое очищенное от

идеологии историческое название (*Прим. 27*) и новую редакцию («товарищей... новых, ищущих, создающих оригинальное»). Но в начале 1930-х, т. е. в момент расправы с газетоведами, в «Советскую печать» был переименован «старый» журнал «Журналист», который был органом Центрального бюро Секции работников печати, в президиуме этой организации как раз состоял М.С. Гус. И в том прежнем «Журналисте» М. С. Гус, как и прочие газетоведы, активно печатался... «Для начального обзаведения я мог бы предложить главу о ГИЖе из моей книги...», – заканчивает письмо Кузьмичев (*Прим. 28*).

Однако и этот вариант реализован не был. М. С. Гус проинформировал, что «редактор как будто сын» его «старинного... знакомого (*Прим. 29*)», но сам он «с этим журналом совершенно не связан», хотя и не против в целом «выступить посредником»... Ключевой в последнем письме М. С. Гуса нам кажется следующая фраза (ее мы и считаем окончательным ответом на заданный еще три года назад В.А. Кузьмичевым вопрос «нужно ли?»): «Не хватает времени, да, признаться, и интереса к тому делу, которое я оставил почти сорок лет назад» (*Прим. 30*).

В этом же письме содержится еще одно, казалось бы, незначительное в силу своей бытовой природы, но, на наш взгляд, чрезвычайно важное, если не сказать многозначительное, признание бывшего руководителя кафедры печати ГИЖа: «... я после войны, меняя квартиры, "разгружал" свою библиотеку, многие книги дарил, а многие ликвидировал. И тогда-то я упразднил ту часть своего собрания книг, которая как раз и относилась к газетоведению». «Упразднил» звучит здесь как «выбросил из памяти», «внутренне отказался».

И самый последний штрих. В предыдущих посланиях В. А. Кузьмичева был вопрос о судьбе Я. М. Шафира (*Прим. 31*). Я.М. Шафир – наиболее значительный газетовед из состава «товарищей из отдела печати ЦК», которые упоминались во втором из тезисов В.А. Кузьмичева, цитированных нами выше; он был репрессирован и погиб, равно как Ю.М. Бочаров или М.И. Щелкунов, названные в тезисах по соседству. А еще В.А. Кузьмичев просил у М. С. Гуса номера журнала «Красная печать» (*Прим. 32*), в руководстве которой в 1920-е состоял Гус и в которой активно печатались газетоведческие материалы. Так М.С. Гус признается, что книги Кузьмичева, Ингулова (*Прим. 33*), Шафира он «отдал в библиотеку ЦДЛ, а журналы...уничтожил». И потом коротко замечает: «О судьбе Я. Шафира я ничего не знаю» (*Прим. 34*).

Трудно отделаться от впечатления, что подбор фамилий как в «тезисах» В.А. Кузьмичева, так и в последнем письме М. С. Гуса не случаен. Участники диалога словно говорят подтекстами. Подвергшийся репрессиям, но выживший свидетель эпохи взывает к своему старшему (и по возрасту, и по положению) современнику, избежавшему репрессий и добившемуся «степеней известных», напоминая о безвинных жертвах режима. А тот отказывается вернуться в страшное прошлое, сознательно вытесненное из памяти, или просто выйти из зоны комфорта и откликнуться на этот страстный призыв воздать должное погибшим и замученным...

Так полной неудачей закончилась первая попытка коммеморации сотрудников Государственного института журналистики 1920-х годов, которая могла бы быть осуществлена совместными усилиями выпускника аспирантуры ГИЖа первого набора и его научного руководителя.

Спустя шесть лет после этого, в 1973 году, в «Журналисте» все-таки появится статья упорно шедшего к этой публикации В.А. Кузьмичева. Она называлась «Первый институт» [Журналист, 1973], и эта статья положит начало процессу восстановления памяти о прославленном в прошлом учебном заведении. В ней, конечно, будет сделан акцент на преподавательских практиках в нем; газетоведческая (научная) линия останется нераскрытой.

Но в принципе констатация наличия неких теоретических разработок педагогов ГИЖа, без конкретизации и рефлексии, в 1970-е годы уже станет возможной и безопасной. Например, в юбилейной (к 70-летию) статье «Литературной газеты» о М.С. Гусе автор, воздавая должное разносторонней одаренности Михаила Семеновича, вскользь упомянет некие гусовские «работы по теории журналистики на заре ее становления в нашей стране» [Пресс, 1970].

Описанный нами эпизод является не просто звеном в длинной цепи событий, достойных внимания специалистов в области истории печати, науки о журналистике, профессионального медиаобразования. Он ярко иллюстрирует механизм функционирования цензуры и самоцензуры в СССР и специфические характеристики отдельных, отличающихся друг от друга, периодов жизни страны (1920-х; 1930-х годов; военного и послевоенного времени; излета хрущевской оттепели; застойных, но «вегетарианских» 1970-х).

Завершая изложение результатов предпринятой работы по описанию, анализу и интерпретации вводимых в научный оборот архивных документов, автор статьи надеется, что обнародованные им данные и выводы дополнят и расширят имеющиеся в распоряжении современной науки представления о судьбе первой в России научной школы в области журналистики (газетоведения). Благодаря им становится возможным уточнить статус и роли таких ее малоизвестных широкой научной общественности представителей, как В. А. Кузьмичев и М. С. Гус.

Сама по себе принадлежность этих ученых к истории науки вообще и журналистской науки в частности, вообще говоря, подтверждается упоминаниями их фамилий в современных работах «чистых» социологов и социологов журналистики [Алексеев, 2008; Свитич, 2018], однако без обозначения их газетоведческой аффилиации. Нам же представляется важным не только подчеркивать ее, но и по возможности представлять отсеянные временем имена и факты эволюции медиаисследований в человеческом измерении.

С этой точки зрения обнаруженные нами письма двух бывших газетоведов 1920-х годов приобретают особое значение. Сравнивая по ним поведенческие стратегии М. С. Гуса и В. А. Кузьмичева в пору подведения ими жизненных итогов (через три с половиной десятилетия после политически мотивированного разгрома газетоведения), мы увидели: в сходных витальных и социокультурных обстоятельствах один из них предпочел оборвать всякие связи с прошлым, став тем самым невольным орудием его фильтрации и искажения, а другой предпринял всё от него зависящее для обнародования известных ему обстоятельств и по существу стал связующим звеном между разными поколениями деятелей науки о журналистике и медиаобразовании.

Примечания

1. ГАРФ, ф. 5214, оп. 1, д. 16, л. 50 об.
2. ГАРФ, ф. 5214, оп. 2, д. 856, л. 86.
3. ГАРФ, ф. 5214, оп. 1, д. 16, л. 56.
4. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 25, л. 1.
5. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 215.
6. ГАРФ, ф. 5214, оп. 1, д. 31, л. 73.
7. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 25, л. 1.
8. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 25, л. 11.
9. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 80.
10. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 171.
11. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 1.
12. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 1, 2.
13. КИЖами, т.е. Коммунистическими институтами журналистики, в тридцатые годы именовали все журналистские вузы, а столичный имел статус ВКИЖа – Всесоюзного коммунистического института журналистики им. «Правды».
14. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 61, л. 1.
15. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 9.
16. С кем именно из новосибирских ученых встречался В.А. Кузьмичев, установить пока не удастся. Но в Академгородке действительно, еще начиная с 1957 года, формировалась социологическая школа, которая позже получила название экономико-социологической (под руководством Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной). В постсоветское время она расширит тематику исследований, и в результате одним из проблемных направлений местных социологов станет социология коммуникации (А.Е. Карпов, В.С. Карпова, С.Г. Саблина и др.).
17. Научно-исследовательский кабинет ГИЖа – научное подразделение вуза, созданное в 1929 году; финансировался и курировался Главнаукой Наркомпроса РСФСР; состоял из трех больших секций: методологической; техники и хозяйства газеты; литературно-публицистических жанров. В. Кузьмичев и М. Гус работали в методологической секции: первый – в комиссии изучения читателя, второй – в комиссии методики преподавания журналистских дисциплин.
18. Бочаров Юрий Михайлович (1887–1936) – один из лидеров газетоведения, историк журналистики, первый руководитель кафедры печати ГИЖа, наиболее вероятный заведующий Научно-исследовательским кабинетом ГИЖа. Репрессирован, расстрелян.
19. Григоренко А.Г. – секретарь кафедры печати ГИЖа, руководитель ее методического кабинета.
20. Щелкунов Михаил Ильич (1884–1938) – известный книговед и газетовед, руководитель секции техники и хозяйства газеты Научно-исследовательского кабинета ГИЖа, заведующий типолабораторией института. Репрессирован. По некоторым сведениям погиб в лагере.
21. Научный кабинет печати ЦБ Секции работников печати – исследовательский газетоведческий центр, существовавший в ВЦСПС (при Центральном бюро Секции работников печати) в 1925–1931 годах. Руководитель – М.С. Гус.
22. Третий центр развития газетоведения существовал в Агитационно-пропагандистском отделе ЦК ВКП(б). Наиболее авторитетный его представитель – Я.М. Шафир (1887-1938).
23. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 7, 7 об.
24. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 13, 13 об.

25. Речь идет о Постановлении ЦК ВКП (б) «О кадрах газетных работников» от 11 ноября 1930 г. В нем ставилась задача сосредоточить всю научно-исследовательскую работу в области журналистских дисциплин в московском КИЖе.
26. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 7 об.
27. Журнал «Журналист» был создан в 1914 году, воссоздан в 1922 году. Выходит и в наше время.
28. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 13 об.
29. Речь идет о Е.В. Яковлеве, редакторе «Журналиста» в 1967–1968 гг. Он был сыном В.И. Яковлева, работника украинских органов государственной безопасности, которого М. Гус мог знать по работе в молодые годы на Украине. О нем см.: «Мой дед чекист и убийца», – блогер рассказал историю семьи // *Gazeta.ua* (9 сентября 2016). Дата обращения 04.08.2023.
30. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 61, л. 5 об.
31. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 11.
32. «Красная печать» (1922–1928) – орган Агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б).
33. Ингулов Сергей Борисович (1893–1938) – один из представителей «партийной» (агитпроповской) линии газетоведения. Так же, как и М.С. Гус, начинал карьеру на Украине: в 1921 г. был заведующим Отделом агитации и пропаганды ЦК КП (б) Украины, в Москву был переведен по линии агитпропа в 1923 г. Был редактором журнала «Журналист», с первых лет работы ГИЖа преподавал там (разработал и вел обзорный курс «Газеты РСФСР»). Репрессирован, расстрелян.
34. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 61, л. 5.

Литература

- Алексеев А. (2008). Замечание об истории социологии «с человеческим лицом». *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, 3, 64.
- Архивный путеводитель: справочник сведений по фондам архивов России, Белоруссии и других стран. (б. д.) [Электронный ресурс]. URL: <https://alertino.com/ru/291113> (Дата обращения: 29.01.2024).
- ГАРФ (б. д.). *Государственный архив Российской Федерации*, ф. 5214, оп. 1, 2.
- Евдокимова Е. В. (2020). Реализация регионального профессионального медиаобразования в 1920-е годы (на примере новосибирского издания «Газетчик»). *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 2 (36), 26-34. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10203.
- Исхаков Р. Л. (2021). «Большое видится на расстоянии...»: взгляд на газетоведение через сто лет. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*, 27 (2), 227-234.
- Каравашкова С. В. (1967). Подготовка журналистских кадров в первые годы советской власти. *Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика*, 5, 70-76.
- Кондратенко А. И. (2010). Становление профессионального журналистского образования в 30-е годы. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 1 (5), 9-15.
- Корконосенко С. Г. (2021). Научно-педагогические школы журналистики в России. *Век информации*, 9-2, 11-18.
- Корконосенко С. Г., Бережная М. А., Хубецова З. Ф. (2021). Лидерские позиции российских научно-образовательных школ журналистики. *Цифровой ученый: лаборатория философа*, 4-3, 102-118. DOI: [10.32326/2618-9267-2021-4-3-102-118](https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-3-102-118).
- Корконосенко С. Г., Хубецова З. Ф. (2023). Эволюционные траектории развития науки о журналистике. Германия, Америка, Санкт-Петербург. *Вопросы теории и практики журналистики*, 12-2, 165-182. DOI: [10.17150/2308-6203.2023.12\(2\).165-182](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(2).165-182).
- Кузьмичев В. (1973). Первый институт. *Журналист*, 11, 52.

- Ландина Л. В. (2023) Коммеморация как объект междисциплинарного знания. *Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств*, 1(47), 15-26.
- Научно-педагогические школы журналистики в России (2021). Санкт-Петербург: Алетейя.
- Пресс В. (1970). Живая страница истории. *Литературная газета*, 22 июля, 210-214.
- Привалов В.З. (1982). От «школы журнализма» до факультета журналистики: (Руководящая роль В.И. Ленина и Коммунистической партии в формировании системы подготовки кадров советской печати). *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика*, 1, 10-21.
- РГАЛИ (б. д.). *Российский государственный архив литературы и искусства*, ф. 2808, оп. 1, д. 61, 134.
- Свитич Л. Г. (2018). *Социология журналистики: учебник для академического бакалавриата*. Москва: Издательство Юрайт, 164-181.
- Таловов В. П. (1990). *Журналистское образование в СССР*. Ленинград.
- Фатеева И. А. (2020). *Газетоведение как научно-образовательная школа в России: сто лет спустя*. М.: МПГУ.
- Фатеева И. А. (2019). О международном признании отечественного газетоведения. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*, 4 (192), 14-22.
- Хубецова З. Ф. (2021). Язык массмедиа как объект науки о журналистике: к истории формирования Петербургской медиалингвистической научной школы. *Медиалингвистика*, 9-4, 330-354. DOI: [10.21638/spbu22.2022.403](https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.403).
- ЦДНТО (б. д.). *Центр документации новейшей истории Томской области*, ф. 5663.

References

- Alekseev A. (2008). Zamechanije ob istorii sociologii «s chelovecheskim licom» [A note on the history of sociology «with a human face»]. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, 3, 64.
- Arhivnyj putevoditel': spravocnik svedenij po fondam arhivov Rossii Belorussii i drugih stran (n. d.) [Archival guide: a directory of information on the archives of Russia, Belarus and other countries]. [The concept and meaning of the contract]. Available at: <https://alertino.com/ru/291113> (accessed: 29.01.2024).
- CDNIYO (n. d.). *Centr dokumentacii novejshej istorii Tomskoj oblasti* [Center for Documentation of the modern history of the Tomsk region], f. 5663.
- GARF (n. d.). *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [The State Archive of the Russian Federation], f. 5214, inv. 1, 2.
- Evdokimova E. V. (2020). Realizacija regional'nogo professional'nogo mediaobrazovanija v 1920-e gody (na primere novosibirskogo izdanija «Gazetchik») [Professional media education in the 1920s (on the example of Novosibirsk edition "The Gazetchik"). *Znak: problemnoje pole mediaobrazovanija*, 2 (36), 26-34. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10203.
- Fateeva I. A. (2020). *Gazetovedenije kak nauchno-obrazovatel'naja shkola v Rossii: sto let spustja*. [Newspaper studies as a scientific and educational school in Russia: a hundred years later]. Moscow: MPSU.
- Fateeva I. A. (2019). O mezhdunarodnom priznanii otechestvennogo gazetovedenija [On the International recognition of Russian newspaper science]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury*, 4 (192), 14-22.
- Ishakov R.L. (2021). «Bol'shoje viditsja na rasstojanii...»: vzgl'ad na gazetovedenije cherez sto l'et. [«Big things are seen from a distance...»: a look at newspaper studies in a hundred years]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. Seriya 1: Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury, Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Problems of education, science and culture*, 27 (2), 227-234.
- Karavashkova S. V. (1967). Podgotovka zhurnalistskih kadrov v pervyje gody sovetskoj vlasti [Training of journalistic personnel in the early years of Soviet power]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 5, 70-76.
- Khubetova Z. F. (2021). Jazuk massmedia kak object nauki o zhurnalistike [The language of mass media as

- an object of journalism science: on the history of the formation of the St. Petersburg media linguistic scientific school]. *Medialingvistika*, 9-4, 330-354. DOI: [10.21638/spbu22.2022.403](https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.403)
- Kondratenko A. I. (2010). Stanovlenije professional'nogo zhurnalistskogo obrazovaniya v 30-e gody [The formation of professional journalism education in the 30s]. *Znak: problemnoje pole mediaobrazovaniya*, 1 (5), 9-15.
- Korkonosenko S. G. Nauchno-pedagogicheskiye shkoly zhurnalistiki v Rossii [Scientific and pedagogical schools of journalism in Russia]. *Vek informacii*, 9-2, 11-18.
- Korkonosenko S. G., Berezhnaja M. A., Khubetsova Z. F. (2021). Liderskije pozicii rossijskich nauchno-obrazovatel'nykh shkol zhurnalistiki [Leadership positions of Russian scientific and educational journalism schools]. *Cifrovoy uchjonyj: laboratorija filosafova*, 4-3, 102-118. DOI: [10.32326/2618-9267-2021-4-3-102-118](https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-3-102-118).
- Korkonosenko S. G., Khubetsova Z. F. (2023). Evol'ucionnyje trajektorii razvitiya nauki o zhurnalistike. Germanija, Amerika, Sankt-Petersburg [Evolutionary Trajectories of the Development of the Scientific Knowledge on Journalism. Germany, America, St. Petersburg]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 12-2, 165-182. DOI: [10.17150/2308-6203.2023.12\(2\).165-182](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(2).165-182).
- Kuzmichov V. (1973). Pervyj institut [The first institute]. *Zhurnalistskij*, 11, 52.
- Landina L. V. (2023). Kommemoracija kak object mezhdisciplinarnogo znaniya [Commemoration as an object of interdisciplinary knowledge]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*, 1(47), 15-26.
- Nauchno-pedagogicheskiye shkoly zhurnalistiki v Rossii* (2021). [Scientific and pedagogical schools of journalism in Russia]. SPb.: Aleteja.
- Press V. (1970). Zhivaja stranica istorii [A living page of history]. *Literaturnaja gazeta*, July 22, 210-214.
- Privalov V. Z. (1982). Ot «shkoly zhurnalizma» do fakul'teta zhurnalistiki: (Rukovodjashchaja rol' V.I. Lenina i Kommunisticheskoy partii v formirovanii sistemy podgotovki kadrov sovetskoj pechati) [From the «school of journalism» to the faculty of journalism: (The leading role of V.I. Lenin and the Communist Party in the formation of the training system of the Soviet press)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 1, 10-21.
- RGALI (n. d.). *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva*. [Russian State Archive of Literature and Art], f. 2808, inv. 1, file 61, 134.
- Svitich L. G. (2018). *Sociologija zhurnalistiki* [Sociology of Journalism]. Moskva: Jurait, 164-181.
- Talovov V. P. (1990). *Zhurnalistskoye obrazovaniye v SSSR* [Journalism education in the USSR]. Leningrad.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 15.01.2024.
Принята к публикации 15.02.2024.

Об авторе

Фатеева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет; ORCID: 0000-0003-2119-2120; fateevafia@gmail.com

Fateeva I. A.

ON THE FIRST ATTEMPT TO COMMEMORATE THE SCIENTIFIC AND RESEARCH ACHIEVEMENTS OF THE STATE JOURNALISM INSTITUTE AS A CENTER OF NEWSPAPER STUDIES

Abstract. In the article, the author describes, analyzes and interprets documents related to the earliest attempt at professional and academic commemoration of the scientific research practices of newspaper scientists at the State Journalism Institute (SJI). This is primarily the correspondence (1964–1967, Russian State Archive of Literature and Art) of two active participants in the life of the first domestic educational institution for journalists of the 1920s: Tomsk

journalist V. A. Kuzmichev (1903–1994), graduate of the post-graduate school of SJI, and his former supervisor M.S. Gus (1900–1984). On the basis of commenting on the correspondents' personal letters introduced into scientific circulation, the author shows how toxic the topic of the formation and existence of the first scientific journalism school was, even three and a half decades after its liquidation.

Keywords: State Journalism Institute, SJI, newspaper studies, science of journalism, professional media education, commemoration, V. A. Kuzmichev, M. S. Gus.

For citation: Fateeva I. A. On the first attempt to commemorate the scientific and research achievements of the state journalism institute as a center of newspaper studies. *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 20-32. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).20-32